

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

УДК 347.1

Н. Л. Бондаренко

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой правового обеспечения
экономической деятельности Академии управления
при Президенте Республики Беларусь

Т. М. Халецкая

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения
экономической деятельности Академии управления
при Президенте Республики Беларусь

КОНФИСКАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Конфискация согласно положениям ст. 244 Гражданского кодекса Республики Беларусь является одним из оснований принудительного безвозмездного прекращения права частной собственности. Помимо конфискации, отечественному законодательству известны и иные случаи принудительного безвозмездного изъятия имущества у собственника, в числе которых можно назвать такие последствия недействительности сделок, как односторонняя реституция и недопущение реституции, а также безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией. Общие черты указанных способов безвозмездного изъятия имущества у собственника породили в научной литературе дискуссию об их соотношении. В статье авторами последовательно обоснован вывод о том, что ни последствия признания сделок недействительными, ни безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией, нельзя относить к гражданско-правовой конфискации.

Ключевые слова: конфискация, прекращение права собственности, безвозмездное изъятие имущества, право собственности, имущество.

Введение. В число оснований прекращения права собственности, предусмотренных подп. 6 п. 2 ст. 236 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), включена конфискация. Правовая природа данного

основания является предметом постоянной научной дискуссии ученых, а наибольшую полемику вызывают вопросы о соотношении понятия «конфискация» с понятиями «односторонняя реституция» и «недопущение реституции», а также о допустимости применения конфискации в отношении имущества, являющегося собственностью лица, не совершавшего правонарушение. Целью настоящей статьи авторы видят выработку собственной научной позиции по данным вопросам, базирующейся на анализе положений белорусского законодательства, практики его применения и высказанных в цивилистической науке суждений.

Основная часть. В ряде учебников по гражданскому праву можно встретить утверждение, что «конфискация, как безвозмездное изъятие имущества, применяется и в гражданском праве в виде санкции по недействительным сделкам в случае наступления односторонней реституции или недопущения реституции» [1, с. 300–301].

Отталкиваясь от данного утверждения, Р. Ю. Березнев утверждает, что в науке гражданского права «отсутствует единое мнение по поводу правовой природы взыскания в доход государства как последствия недействительности сделки», а «наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой указанное последствие относится к конфискации» [2, с. 18]. По мнению А. В. Каравая, «конфискация применяется за различные по своему характеру правонарушения. <...> Так, согласно ст. 170 ГК (речь идет о ГК Республики Беларусь. – *Прим. авт.*) при умышленном заключении сделки, совершение которой запрещено законодательством, в доход Республики Беларусь взыскивается все полученное сторонами по такой сделке» [3, с. 690]. Конфискация, по утверждению Ю. К. Толстого, может применяться в виде санкции за совершение недействительной сделки [4, с. 369]. Аналогичной позиции придерживается и Л. К. Фазлиева, полагающая, что «конфискация имущества в гражданско-правовом порядке применяется при заключении противозаконных сделок» [5]. К сожалению, вышеприведенные высказывания не сопровождаются убедительной аргументацией.

Безвозмездное изъятие имущества в доход государства предусмотрено в качестве последствия недействительности сделки, совершение которой запрещено законодательством.

Так, в соответствии с положениями ст. 170 ГК Республики Беларусь при наличии умысла у обеих сторон такой сделки – в случае исполнения сделки обеими сторонами – в доход Республики Беларусь взыскивается все полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной с другой взыскивается в доход Республики Беларусь все полученное ею и все причитающееся с нее первой стороне. При наличии умысла лишь у одной из сторон такой сделки все полученное ею по сделке должно быть возвращено другой стороне, а полученное последней либо причитавшееся ей в возмещение исполненного взыскивается в доход Республики Беларусь.

Аналогичное последствие предусмотрено и в случае признания недействительной сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или вследствие стечения тяжелых обстоятельств: если сделка признается недействительной по одному из указанных оснований, то потерпевшему возвращается другой стороной все полученное ею по сделке; имущество, полученное по сделке потерпевшим от другой стороны, а также причитавшееся ему в возмещение переданного другой стороне, обращается в доход Республики Беларусь (ст. 180 ГК Республики Беларусь).

Следует отметить, что ни положения ст. 170, ни положения ст. 180 ГК Республики Беларусь не называют указанные последствия конфискацией. В науке гражданского права такие последствия недействительности сделок называют односторонней реституцией (когда потерпевшему в сделке возвращается другой стороной все полученное ею по сделке, а имущество, полученное по сделке потерпевшим от другой стороны, а также причитавшееся ему в возмещение переданного другой стороне, обращается в доход государства), а также недопущением реституции.

Интересен тот факт, что ни одной европейской правовой системе не знакомо такое последствие недействительности сделок, как взыскание полученного по сделкам в доход государства. Вместо этого сторона, которая действовала недобросовестно, просто не может истребовать обратно предоставленное ею по сделке. Как отмечает Д. О. Тузов,

«положения, устанавливающие конфискационные последствия по отдельным видам недействительных сделок, были включены в первый Гражданский кодекс РСФСР (1922) по личному настоянию В. И. Ленина и явились конкретным нормативным воплощением проводимой им законодательной политики в области гражданского права». Автор называет подобное законодательное решение «стилевой особенностью» советского и постсоветского гражданского права» [6, с. 41].

Термин же «конфискация» законодатель использует совершенно в ином контексте, не связанном с недействительностью сделок. Так, в ст. 236 ГК Республики Беларусь конфискация названа в числе оснований прекращения права собственности. Сам термин «конфискация» образован от латинских слов *confiscatio* – «отобрание в казну», *con-* – «вместе; полнота», а также *fiscus* – «корзина; касса, казна, финансы». Определение данного понятия можно встретить в различных источниках. Например, положениями ст. 6.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях конфискация определена как принудительное безвозмездное обращение в собственность государства дохода, полученного в результате противоправной деятельности, а также предмета административного правонарушения, орудий и средств совершения административного правонарушения, находящихся в собственности (на праве хозяйственного ведения, оперативного управления) лица, совершившего административное правонарушение. В белорусском уголовном законодательстве используется термин «специальная конфискация». Частью 2 ст. 46 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) предусмотрена возможность применения в случае совершения преступления наряду с уголовной ответственностью, а также при освобождении лица от уголовной ответственности специальной конфискации, под которой понимается принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства вещей, перечисленных в ст. 46-1 УК Республики Беларусь. В ст. 2 Договора между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 22 октября 2014 г. под конфискацией понимается безвозмездное изъятие имущества в установленном законом

порядке. Безвозмездным изъятием имущества на основании решения суда названа конфискация в ст. 2 Договора государств–участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма от 5 октября 2007 г. По смыслу ст. 2 Договора между Республикой Беларусь и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 октября 2010 г. конфискация – это окончательное лишение имущества по постановлению суда. В ст. 1 Конвенции Совета Европы № 141 «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS N 141)» указано, что термин «конфискация» означает наказание или меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества.

Все приведенные определения термина «конфискация» объединяет то, что они используются в нормативных правовых актах лишь в связи с решением вопроса о привлечении лица уголовной либо административной ответственности; конфискация – это изъятие имущества у собственника, которое является следствием его юридически небезупречного поведения [7, с. 64]. Такой подход к пониманию конфискации сложился исторически. Так, еще Д. И. Мейер, анализируя конфискацию как способ прекращения права собственности, отмечал, что конфискация «...есть отобрание у собственника в казну его имущества в связи с преступлением, им совершенным» [8, с. 432]. «Под именем конфискации, – пишет Г. Ф. Шершеневич, – понимается отнятие государственною властью в виде наказания у собственника принадлежащей ему вещи. Потеря права собственности составляет результат совершенного преступного действия» [9, с. 345 – 346]. Как «способ отнятия государством имущества у собственника в виде наказания» рассматривал конфискацию Е. В. Васьковский [10, с. 354]. В современной юридической науке высказываются аналогичные точки зрения. Например, Е. А. Пащенко утверждает, что в современной нормативной форме институт конфискации, «основанный на нормах международного права и призванный служить уголовно-правовым средством противодействия прежде

всего финансированию терроризма и организованных преступных структур, является юридическим основанием принудительного изъятия и безвозмездного обращения в собственность государства имущества, незаконно полученного в результате совершения преступлений из числа указанных в специальном перечне, а также определенного имущества, принадлежащего виновному» [11, с. 82]. «Конфискация имущества, – по мнению М. Г. Мельникова, – есть мера государственного принуждения (обременения), образующая некарательную форму реализации уголовной ответственности, заключающаяся в принудительном и безвозмездном обращении по решению суда в доход государства приобретенных преступным путем денег, ценностей, имущества и доходов от этого имущества, денег, ценностей иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также орудий, оборудования или иных средств совершения преступления» [12, с. 162].

Вывод о том, что конфискация может быть применена лишь в качестве санкции за совершение уголовного преступления или иного правонарушения, вытекает и из анализа положений ст. 224 ГК Республики Беларусь: в случаях, предусмотренных законодательными актами, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация). При этом конфискация имущества в административном порядке допускается лишь с соблюдением условий и порядка, предусмотренных законом. Решение о конфискации, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суде.

Анализируя последствия недействительности сделок, установленные ст. 169 и 179 ГК Российской Федерации, Д. О. Тузов отмечает, что «карательный характер рассматриваемой санкции предполагает, что в основе ее применения лежит правонарушение, за совершение которого она установлена как мера ответственности» [6, с. 39]. При этом «...в качестве правонарушений, составляющих предпо-

сылки недопущения реституции и конфискации, не могут рассматриваться сами предусмотренные указанными статьями (ст. 169, 179 ГК Российской Федерации. – *Прим. авт.*) сделки. Недействительная сделка как таковая не является юридическим фактом, а следовательно, и правонарушением. Противоправность, обуславливающая в соответствии с законом обращение предоставленного по сделке в доход государства, характеризует иные, хотя и связанные с ней действия, находящиеся за пределами сделки или составляющие лишь один из ее элементов; при этом сама сделка в состав правонарушения не входит» [6, с. 39].

Несомненно, у конфискации, односторонней реституции и последствий недействительности сделки в виде недопущения реституции есть одна общая черта – во всех указанных случаях имущество принудительно и безвозмездно изымается и передается в доход государства. Однако именно это сходство и вызывает критику. Так, по справедливому замечанию Д. О. Тузова, «...институт конфискации... в любом случае должен быть исключен из гражданского законодательства как инородное тело, не соответствующее сущности и принципам частного права... Если сторона недействительной сделки, делая предоставление, совершила тем самым правонарушение, заслуживающее имущественного наказания, в законе должны быть четко описаны составы подобных правонарушений, установлена четкая процедура применения наказаний за их совершение, предусмотрены гарантии соблюдения законности при применении этих наказаний. Но все это – задача публичного, а не частного (гражданского) права» [6, с. 43]. Подобную критику высказывали и разработчики Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.). В Концепции, в частности, указывалось следующее: «В ряде случаев предлагается отказаться от публичных элементов регулирования в пользу частноправовых подходов. Таковы предложения об отказе от санкции конфискационного характера, содержащейся в ст. 179 ГК, и об ограничении сферы применения аналогичной санкции для противонравственных сделок

(ст. 169 ГК)». И далее в подп. 5.2.7 Концепции указано: «Из статьи 179 ГК должны быть исключены положения о специальных конфискационных последствиях недействительности сделок по основаниям, предусмотренным данной статьей (изъятие в доход государства)». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и в Концепции как односторонняя реституция, так и недопущение реституции названы не конфискацией, а «санкциями конфискационного характера» (полагаем, это косвенно подтверждает вывод о том, что, хотя односторонняя реституция и недопущение реституции и имеют сходные с конфискацией черты, но, тем не менее, конфискацией не являются [13, с. 413–414]).

В контексте сказанного интерес представляет точка зрения, отраженная в работах О. А. Кузнецовой и В. В. Степанова, которые, анализируя межотраслевую природу конфискации, справедливо отмечают, что недопущение реституции не следует рассматривать в качестве гражданско-правовой конфискации. Такое принудительное изъятие имущества, по мнению ученых, безусловно, является санкцией, «однако ничего гражданско-правового в такой санкции нет»; в данном случае имеет место некая публично-правовая санкция (поскольку она применяется по инициативе и в пользу государства), не являющаяся при этом мерой административного наказания. Природу такой санкции «нельзя признать установленной» [14, с. 35].

Представляется, что между конфискацией и рассматриваемыми последствиями недействительности сделок имеется и еще одно важное отличие. Конфискация, как правило, применяется в отношении имущества, находящегося в собственности лица, допустившего соответствующее правонарушение. Об этом прямо указано в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 сентября 1999 г. № 8 «О практике назначения судами конфискации имущества по уголовным делам»: конфискация имущества как вид уголовного наказания состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося частной собственностью осужденного. Данное правило детализируется в п. 8 указанного постановления: при конфискации

всего имущества конфискация обращается на все движимое и недвижимое имущество осужденного, находящееся в его собственности, в том числе на ценные бумаги и проценты по ним, а также на его долю в общей собственности.

В случае же применения, например, односторонней реституции обращению в доход государства подлежит имущество, полученное по сделке потерпевшим от другой стороны, а также причитавшееся ему в возмещение переданного другой стороне. То есть при односторонней реституции происходит в том числе отобрание имущества не у лица, допустившего правонарушение, а у потерпевшей стороны, получившей от нарушителя какие-либо блага, поскольку к моменту применения односторонней реституции правонарушитель уже может не быть собственником имущества. Да, недействительная сделка не порождает никаких юридических последствий, то есть можно говорить о том, что при заключении такой сделки и передаче благ по ней, перехода прав (титолов) в отношении этих благ не происходит. Однако, как верно отмечает Ю. А. Тарасенко, это правило не действует в отношении вещей, определенных родовыми признаками. Так, по мнению автора, «основанием перехода права на блага, определенные родовыми признаками, становится не сама недействительная сделка, а передача этих благ, вследствие которой они смешиваются с аналогичными предметами другой стороны, прирастая к ним и образуя тем самым новую вещь, находящуюся во владении приобретателя. Смешение вещей – вот основание возникновения права собственности приобретателя на полученные им вещи, определенные родовыми признаками» [15, с. 389].

Не менее дискуссионный, чем вопрос о соотношении конфискации и последствий признания сделок недействительными, по мнению Р. Ю. Березнева, и вопрос о «допустимости применения конфискации в отношении имущества, являющегося собственностью лица, не совершавшего правонарушение» [2, с. 19; 16, л. 31]. Дело в том, что в подп. 10 п. 2 ст. 236 ГК Республики Беларусь закреплено такое основание прекращения права собственности, как безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией.

Это основание появилось в ГК Республики Беларусь в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией). На наш взгляд, включение данного основания прекращения права собственности в ст. 236 ГК Республики Беларусь наряду с конфискацией свидетельствует об ошибочности приведенного выше суждения. Кроме того, вывод о том, что безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией, является конфискацией, противоречит и тому назначению конфискации, о котором было сказано выше, и положениям самого Закона о борьбе с коррупцией.

Так, в ст. 36 «Изъятие имущества (взыскание расходов), стоимость которого (размер которых) превышает доходы, полученные из законных источников» указанного Закона предусмотрено, что «государственные органы, иные организации, должностные лица, в которые (которым) государственные должностные лица, занимающие ответственное положение, лица, поступившие на государственную службу путем избрания, их супруг (супруга), несовершеннолетние дети, в том числе усыновленные (удочеренные), совершеннолетние близкие родственники, совместно с ними проживающие и ведущие общее хозяйство, представляют декларации о доходах и имуществе, а также налоговые органы осуществляют контроль за соответствием стоимости принадлежащего указанным лицам имущества, подлежащего обязательному декларированию, иных понесенных расходов доходам, заявленным указанными лицами в декларациях о доходах и имуществе и сведениях (пояснениях) об источниках и размерах доходов, за счет которых приобретено такое имущество и понесены иные расходы».

В случаях установления в ходе проверки деклараций о доходах и имуществе лиц, указанных выше, явного превышения стоимости принадлежащего им имущества и иных расходов этих лиц за период, когда должностные лица занимали указанные должности, но не более чем за 10 лет, над доходами, полученными из законных источников, имущество и иные расходы на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, безвозмездно изымаются (взыскиваются) или взы-

скивается стоимость такого имущества в доход государства на основании решения суда по иску прокурора. При этом под явным превышением стоимости имущества и иных расходов над доходами, полученными из законных источников, понимается превышение, составляющее не менее 25 процентов от доходов, полученных из законных источников.

Информация о факте явного превышения стоимости принадлежащего указанным лицам имущества и иных расходов этих лиц над их доходами, которое они отказываются или не могут объяснить либо по которому установлена недостоверность их объяснений, руководителем государственного органа, иной организации, должностным лицом, в который (которому) представляются декларации о доходах и имуществе, или должностным лицом налогового органа в течение десяти дней с момента получения объяснений либо отказа дать объяснения направляется в органы прокуратуры по месту жительства (службы) указанных лиц для решения вопроса о наличии оснований для организации и проведения проверки в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь. И далее в ст. 36 Закона о борьбе с коррупцией отмечено, что органы прокуратуры обращаются в суд с иском о безвозмездном изъятии этого имущества или о взыскании его стоимости либо о взыскании иных расходов на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы в случаях:

- отсутствия оснований для проведения такой проверки;
- принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении предварительного расследования или уголовного преследования по возбужденному уголовному делу.

То есть по смыслу ст. 36 Закона о борьбе с коррупцией безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией, не является санкцией за совершенное преступление или иное правонарушение. Данная мера, на наш взгляд, установлена в целях защиты общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции. В пользу данного утверждения косвенно свидетельствует и то обстоятельство, что ст. 36 расположена в гл. 4 («Декларирование доходов и имущества»), а не, например, в гл. 5 («Коррупционные правонарушения»)

Закона о борьбе с коррупцией. Более того, в ч. 5 ст. 36 Закона о коррупции законодатель говорит о том, что вопрос об изъятии имущества или о взыскании его стоимости либо о взыскании иных расходов на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, является спором, который рассматривается судом по месту жительства (службы) лиц, указанных в ч. 1 ст. 36 Закона о коррупции, в порядке искового производства, тогда как применение конфискации вряд ли предполагает наличие спора.

Заключение. На сегодняшний день правовая природа института конфискации не до конца изучена, а современное понятие конфискации «стало конгломератом различных по сути правовых явлений» [14, с. 28]. Однако есть все основания утверждать, что, несмотря на наличие схожих черт между конфискацией и последствиями недействительности сделок в виде односторонней реституции, а также недопущением реституции, они не могут отождествляться полностью. Утверждать же о применении конфискации в качестве последствия недействительности сделок неверно с точки зрения принципов гражданского права. Также необоснованно относить к конфискации такое основание прекращения права собственности, как безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией.

Список использованных источников

1. Колбасин, Д. А. Гражданское право. Общая часть : учеб. пособие / Д. А. Колбасин. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 496 с.
2. Березнев, Р. Ю. Конфискация как мера государственного принуждения: гражданско-правовой аспект / Р. Ю. Березнев // Борьба с преступностью: теория и практика : III Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 20 марта 2015 г. : тез. докл. / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2015. – Ч. 1. – С. 18 – 20.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. / А. В. Каравай [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.
4. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Н. Д. Егоров [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : Проспект, 1999. – Т. 1. – 616 с.

5. Фазлиева, Л. К. Конфискация имущества как способ принудительного прекращения права собственности [Электронный ресурс] / Л. К. Фазлиева // Вестн. Казанского юрид. ин-та МВД России. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-kak-sposob-prinuditelnogo-prekrascheniya-prava-sobstvennosti/viewer>. – Дата доступа: 29.05.2020.

6. Тузов, Д. О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности, в судебно-арбитражной практике и проекте изменений Гражданского кодекса России / Д. О. Тузов // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 23–50.

7. Бондаренко, Н. Л. Традиционные и новые формы экспроприации собственности в Республике Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Предпринимательское право. – 2014. – № 1. – С. 63–69.

8. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 2003. – 831 с.

9. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2005. – 461 с.

10. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского права / Е. В. Васьковский. – М. : Статут, 2003. – 382 с.

11. Пащенко, Е. А. Конфискация имущества: реалии и ожидания / Е. А. Пащенко // Северо-кавказский юрид. вестн. – 2015. – № 4. – С. 81–88.

12. Мельников, М. Г. Конфискация имущества как мера уголовно- правового обременения: правовая природа и законодательная регламентация / М. Г. Мельников // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 156–163.

13. Халецкая, Т. М. Конфискация, односторонняя реституция и недопущение реституции: проблема соотношения понятий / Т. М. Халецкая // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юриспруденции : материалы II Всерос. межвузовской науч.-практ. конф., Смоленск, 7 дек. 2017 г. / Междунар. юрид. ин-т ; редкол.: Т. М. Лопатина [и др.]. – М. : Междунар. юрид. ин-т, 2018. – С. 407–416.

14. Кузнецова, О. А. Межотраслевая природа конфискации имущества / О. А. Кузнецова, В. В. Степанов // Журн. рос. права. – 2018. – № 2. – С. 27–37.

15. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / А. Б. Бабаев [и др.] ; под ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.

16. Березнев, Р. Ю. Принуждение в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Ю. Березнев. – Минск, 2017. – 139 л.

19.06.2020